

Анна Подрайская

**Атланты
по-шотландски**

Аннотация

Любовь приходит к людям разными путями, никогда не повторяясь. И она бывает тем сильнее, чем трудней оказывается дорога к ней. Это узнали на собственном опыте и французская принцесса Иоланда, и дочь шотландского лорда Алекс, и юная англичанка Лора Февершем, которые нашли свою любовь в суровых горах Шотландии. Здесь она осветила их жизнь подобно солнечному лучу в ненастный день и осталась в сердце, даже если с ней пришлось расстаться навсегда.

Лилия Подгайская Любить по-шотландски

Королева — девственница

Франция, Париж. Лето 1285 года

Принцесса Иоланда безостановочно ходила по своему покою, нервно сжимая руки и время от времени заламывая их. Со стороны она напоминала маленького изящного и очень красивого зверька, неожиданно запертого в клетке и ищущего из неё выхода.

— Ну почему, Марго, почему, — обратилась она к юной Маргарите де Леон, любимой фрейлине и близкой подруге, — почему Филипп поступает со мной так?

Глаза у принцессы опухли от слёз, которые она всю ночь проливала в подушку, давясь рыданиями, чтобы не прибежала эта ведьма де Краон, старшая статс-дама её двора. Она ни о чём не должна даже догадываться, иначе беды не избежать.

— Но Его Величество ведь рассказал вам, моя принцесса, почему принял такое решение, — отозвалась Марго, миниатюрная миловидная

девушка с блестящими каштановыми локонами и небесно-голубыми глазами.

Она взглянула на свою госпожу, и её доброе сердечко сжалось от вида горя и отчаяния, написанных на лице принцессы. Хорошо, что Иоланда велела никого не впускать к ней в покои кроме доверенной горничной Мари и её, единственной близкой подруги бедной принцессы. Иоланда сказала нездоровой, и это было правильное решение. Никто не должен видеть её такой, иначе по двору пойдут сплетни, а они совсем ни к чему, особенно в этой сложной обстановке, которая вдруг возникла на безоблачном небосклоне их жизни. Нет, они, конечно, понимали, что рано или поздно принцессе придётся выйти замуж за какого-нибудь знатного человека, возможно чужеземного принца, даже скорее всего так. Но старый вдовец король из дикой Шотландии — это уж совсем никуда не годится. И такое внезапное решение, как гром среди ясного неба.

Принцесса, не отвечая, продолжала метаться по большой, шикарно обставленной комнате. Её чёрные как ночь роскошные волосы рассыпались по плечам, закрывая спину до самой талии. На ней была мягкая ночная рубашка, отделанная широкими изящными кружевами. Красивое лицо с тонким нежным овалом и золотисто-смуглой кожей побледнело от бессонной ночи и овладевшего

принцессой отчаяния. Взволнованная Мари безуспешно пыталась приложить к опухшим глазам госпожи примочки, которые снимут красноту и отёчность, но принцесса отмахивалась от неё и продолжала свой нервный безостановочный бег.

Наконец Марго поняла, что ей следует взять дело в свои руки и заставить принцессу успокоиться и вести себя разумно. Маленькая хрупкая Марго обладала железной волей, но об этом знали только самые близкие люди. Для всех остальных она была образцом женской слабости и незащитности.

— Послушай меня, Иоланда, — сказала фрейлина голосом, в котором зазвучал металл. — Возьми, наконец, себя в руки, сядь и давай поговорим спокойно. Обстоятельства, и правда, крайне неблагоприятны, но всё может повернуться ещё хуже, если ты не поведёшь себя разумно.

Принцесса перестала метаться и остановилась напротив подруги, беспомощно глядя на неё и продолжая заламывать пальцы.

— Сядь, дорогая, — продолжила Марго гораздо более мягким, даже нежным голосом, — и дай Мари приложить примочки к твоим глазам. Ведь как бы ты ни прикидывалась нездоровой, выйти вечером в большой зал тебе придётся, такова воля короля. Неповиновение распоряжению монарха недопустимо. И очень опасно для тебя показаться в таком виде, как ты сейчас.

Она кивнула горничной, и та поспешила выполнить то, что намеревалась сделать уже добрых полчаса. А сама Марго села рядом с подругой, взяла в свои маленькие, но крепкие ручки изящные пальцы принцессы и стала говорить спокойно, но настойчиво.

— Жизнь принцессы очень нелегка, Иоланда, и ты всегда знала об этом. Ты сама мне говорила, что тебя используют в нужный момент как фигуру на шахматной доске, до поры до времени стоящую без движения в своей клетке. Ты ведь была к этому готова.

— Да, Марго, — отозвалась принцесса уже более спокойным голосом, — я всегда это знала, с самого детства нам с сестрой не уставали это внушать. И я была готова отправиться куда угодно, в Бургундию, какое-нибудь из германских княжеств, даже в Англию. Но Шотландия! Где-то на краю света, дикая варварская страна и старый король, овдовевший и потерявший троих детей. Говорят, что его дочь погибла уже взрослой, оставив после себя малышку, дитя Норвежского короля Эрика Третьего. А сам он, я слышала, огромный и страшный. Я боюсь, Марго, я просто боюсь. И потом, мой милый красавец Гийом, как я расстанусь с ним?

И принцесса снова разрыдалась к полному отчаянию бедной Мари.

— Забудь о нём, Иоланда, — снова жёстко и непреклонно сказала Марго, — даже имя не произноси никогда. Ты не имела права увлекаться им. А он, если бы действительно любил тебя, никогда не вовлек бы в эту опасную игру.

— Ну, о чём ты говоришь, Марго, — принцесса вскинула голову и её красиво очерченные губы капризно изогнулись, — как могу я не любить его, такого красивого, такого нежного? Он говорил мне необыкновенные слова, от которых у меня голова просто шла кругом, а ноги подгибались. И один раз он даже поцеловал меня. О! Как это было сладко! И теперь я даже представить себе не могу, что меня будет целовать какое-то шотландское чудовище.

— Не только целовать, моя принцесса, — твёрдо заявила неугомонная фрейлина, — но и владеть вашим телом. Это его право, а вы будете обязаны подчиниться.

— Ну уж нет, подчинения от меня он не получит, — упрямо заявила принцесса, и её тёмно-карие глаза недобро сверкнули, — он ещё пожалеет, что выбрал меня в жёны.

В эту минуту их разговор был прерван появлением слуги, который принёс известие, что принцессу ожидают в зале к ужину в самом нарядном виде — таково требование короля. И обязательно тот гарнитур из рубинов и

бриллиантов, что Его Величество преподнёс принцессе на её шестнадцатилетие.

Слуга ушёл, а женщины принялись за подготовку к торжеству. Засуетились фрейлины и служанки, мадам де Краон величественно руководила всей этой суматохой. Она была очень довольна тем, как разворачиваются события. Тем более что её супруг маркиз Арман де Краон пребывал ныне в Шотландии в роли уполномоченного посла Его Величества короля Франции.

Когда наступило время торжественного приёма, принцесса была готова. Она полностью взяла себя в руки — сказались воспитание и прирождённая гордость. Иоланда выглядела великолепно. Её прекрасные гагатово-чёрные волосы, которые придворные поэты сравнивали с бездонным небом глубокой летней ночи, были уложены в изящную причёску, искусно выполненные локоны падали на оголённые плечи, подчёркивая тонкость и красоту нежного лица. На стройной шее, в ушах и в волосах сверкали, переливаясь, рубины и бриллианты. Тонкие пальцы были унизаны драгоценными кольцами, и, казалось, нежные руки едва выдерживают их тяжесть. Роскошное бархатное платье цвета бургундского вина с отделкой из великолепных кружев, привезенных из Брюгге, облегалo точёную фигуру

с довольно пышными формами.

Придворные затихли, увидев принцессу Иоланду в такой великолепии. Её старшая сестра Маргарита была в своём обычном виде. Что-то происходит. Но что? По залу пошёл шёпоток. Долго ждать ответа не пришлось. Вскоре появился король. Все присутствующие склонились перед монархом. Филипп Четвёртый Французский с привычно каменным выражением лица прошествовал к своему трону. Усевшись, он доброжелательно взглянул на стоящего рядом с ним посла Шотландии сэра Уильяма Леннокса и велел принцессе приблизиться к трону. У шотландца отвисла челюсть, когда он увидел эту нежную юную красоту. «Ничего себе, лакомый кусочек достаётся этому старому греховоднику Александру», — подумал про себя, склоняясь перед принцессой.

А король тем временем объявил во всеуслышание, что Его Величество Александр Третий Шотландский соизволил взять в жёны принцессу Французского двора Иоланду. Свадьба состоится в начале осени в Эдинбурге, а сейчас оглашается помолвка и по этому случаю всех присутствующих ждёт большое празднество.

Иоланда так и не смогла понять впоследствии, как она выдержала этот вечер, особенно, после того как увидела в толпе придворных удивленные глаза

Гийома де Бриссака. Глаза смотрели не только с удивлением, но и с укором, как ей показалось. Но что она может сделать? Разве придёт в голову всемогущему монарху интересоваться чувствами юной девушки, которую отдают во власть старого сластолюбивого мужчины, если этого требуют интересы королевства? А честолюбивые замыслы Филиппа простирались очень далеко, и для их исполнения он готов был пожертвовать любым их своих приближённых. И потом, разве это жертва — стать королевой и родить наследника для Шотландского трона? Зато какая выгода для Франции!

Не успел отшуметь великолепный праздник по поводу предстоящей свадьбы принцессы Иоланды, как начались сборы в дорогу. Готовилось богатое приданое, шились новые платья для будущей королевы, посол Шотландии почти каждый день встречался с принцессой, рассказывая ей об истории страны, в которой она готовилась стать повелительницей. Иоланду же больше интересовало, что представляет собой её будущий супруг. Сэр Леннокс был сдержан в ответах на вопросы такого рода, и всё же принцесса составила себе определённое мнение об Александре. Он долгие годы был женат на Маргарите Английской, сестре короля Эдуарда Первого. От неё король имел троих детей — дочь и двух сыновей. Особые

надежды он, конечно, возлагал на своего наследника Александра. Но злой рок обрушился на короля, и он потерял всех — жену, взрослую уже дочь, принца Дэвида и, что самое страшное, наследника престола. Король оказался в ужасном положении. Его молодость давно осталась позади, а наследник был нужен позарез, иначе после его кончины страну ожидали кровавые распри и битвы в борьбе за власть. Но король ещё очень сильный мужчина, усмехаясь, успокаивал принцессу посол, и вполне способен сделать отличного наследника, тем более, вместе с такой очаровательной молодой женой.

Эти разговоры принцесса слушала, едва сдерживаясь. Ей уже успели нашептать, что шотландский король не знает удержу в любовных утехах, и число его любовниц не поддаётся счёту. Он силён телом, но нравом несдержан и горяч. Очень любит верховую езду и носится по всей стране, после чего его любовный аппетит только возрастает. Слушая всё это, Иоланда дала себе слово, что ни в коем случае не будет принадлежать ему, не отдаст своё юное чистое тело на растерзание такому сластолюбцу и распутнику. Как она это сделает, ей пока неизвестно, но выполнит своё решение обязательно.

Большая неприятность случилась, когда до отбытия в Шотландию оставалось всего несколько

дней. Как-то под вечер на удивление жаркого дня, когда солнце только начинало клониться к горизонту, принцесса с одной только Марго ушла в дальнюю часть сада, где и уселась на скамейку у тихого прудика, окружённого высокой буйной растительностью. Подруги сидели рядом, тихо разговаривая о будущей поездке. Внезапно перед ними возник Гийом де Бриссак и, умоляюще глядя на Иоланду, упал перед ней на колени и стал покрывать жадными поцелуями изящные белые руки принцессы. Он что-то страстно шептал, заглядывая в расширившиеся карие глаза. Принцесса сделала знак, чтобы Марго отошла, и девушка не посмела послушаться. Руки молодого человека стали смелее, они двинулись вверх и уже достигли выреза корсажа, за ними следовали жадные, требовательные губы. Принцесса совершенно потеряла контроль над собой и уже готова была отдаться во власть этих рук и этих губ, как вдруг маленькой пичужкой рядом с ними упала Марго.

— Осторожно, опасность, — успела шепнуть она и рванула Гийома за руку, увлекая его за собой.

В следующую минуту возле пруда появилась мадам де Краон с двумя фрейлинами, которые во все глаза смотрели на открывшуюся им картину: принцесса Иоланда сидела на скамейке, нервно сжимая руки, а маленькая фрейлина Маргарита де

Леон стояла неподалёку почти в объятиях шевалье де Бриссака.

— Что я вижу, мадемуазель де Леон? — возмущённо воскликнула достойная дама. — Как смеете вы вести себя столь разнузданно в присутствии Её Высочества? Завтра же чтобы ноги вашей не было во дворце, отправляйтесь в своё захолустье, и там делайте всё, что вам угодно. И будьте благодарны, что я не имею намерения говорить об этом прискорбном случае Его Величеству, дабы не огорчать его. А вы, шевалье де Бриссак, стыдитесь. Нельзя проявлять столь открытое неуважение к королевскому дому.

Вслед за этим мадам де Краон взяла за руки ошеломлённую всем происшедшим Иоланду и повела её за собой. Принцесса успела послать своей верной подруге один только взгляд, но в нём выразилось так много — и вина перед ней, и горечь утраты, и благодарность за спасение. На Гийома она даже не взглянула, гордо отвернувшись и пошла за своей статс-дамой. Только теперь поняла она, насколько права была Марго, предостерегая её. Этот мужчина, что говорил ей такие сладкие слова о любви, ничуть не заботился о её чести. Его интересовало только удовлетворение собственного честолюбия и получение удовольствия. Ведь он шептал ей такие непристойные слова, умоляя впустить его ночью и подарить ему первую

девичью любовь. А Марго...

Бедная Марго пожертвовала всем — своей репутацией и положением — ради её спасения. Слезы застлали глаза принцессе. Ведь им с Марго не позволят даже проститься, уж мадам об этом позаботится.

Эту ночь её действительно стерегли как никогда раньше. Мадам де Краон даже легла спать на выдвижном матрасе в изножии кровати принцессы, отправив верную Мари, всегда занимавшую это место, в маленькую гардеробную рядом с опочивальной принцессы. Иоланда не могла уснуть, слёзы катились по щекам, но она боялась даже утереть их, чтобы не показать злобной надзирательнице своих чувств. И только когда мадам де Краон захрапела у неё в ногах, расслабилась и предалась своему горю. Всё, она по своей глупости потеряла верную подругу, на которую всегда могла положиться и которая всегда поддерживала её в трудную минуту. Теперь у неё осталась только Мари. Но что она может, ведь она всего лишь горничная. И ещё принцессу терзал стыд, она горько раскаивалась в своём легкомыслии. Этот красавчик Гийом был ничуть не лучше всех других, что воронами кружили вокруг неё в надежде урвать хоть каплю от её милостей.

Наплакавшись вволю, Иоланда принялась думать о том, как она может помочь своей

несчастной подруге. О том, чтобы просить милости у короля, не может быть и речи. Он не из тех, кто щедро эти милости раздаёт. И потом это поставит под удар её саму — Филипп не потерпит ни малейшего пятнышка на чести королевской семьи. Умолять холодную и чопорную статс-даму тоже бесполезно, она ещё хуже Филиппа, святоша несчастная. Значит, отстоять Марго не получится. Остаётся как-то помочь ей. И принцесса принялась обдумывать детали своего плана.

В результате этих долгих ночных размышлений ранним утром Мари отправилась на поиски изгнанной из свиты принцессы мадемуазель Маргариты де Леон. Она нашла её уже возле конюшен — девушке готовили лошадь для отъезда домой. Марго была в отчаянии. Что она скажет родителям? Они так надеялись, что дочь сделает карьеру при дворе принцессы. А она возвращается ни с чем, изгнана с позором. Единственное, что грело душу, так это мысль, что она спасла Иоланду от этого бессовестного красавчика Гийома. Подлец! Негодяй! Для него честь принцессы — пустой звук. Марго представила, какой скандал разгорелся бы, застань мадам де Краон не её, а Иоланду в объятиях этого вертопраха. И на душе стало легче. Да, она взяла на себя этот тяжкий груз, но спасла принцессу.

В этот момент Марго увидела Мари,

подающую ей какие-то непонятные знаки из-за угла конюшни. Марго подошла к ней и услышала слова, пролившие целебный бальзам на её истерзанную душу.

— Принцесса Иоланда, мадемуазель Маргарита, — быстро шептала ей верная горничная её подруги, — очень сожалеет о том, что произошло вчера. Она велела передать, что всем сердцем благодарит вас за самоотверженный поступок, и ещё, что любит вас по-прежнему, и всегда будет помнить. И вот это велела передать вам в руки.

Мари сунула растерявшейся девушке маленький мешочек и уже собиралась скрыться, но задержалась ещё на мгновение и шепнула:

— Принцесса велела вам сказать дома, что вас не взяли в Шотландию просто потому, что штат будущей королевы очень ограничен, а вы не слишком знатная особа.

С этими словами Мари исчезла, как и не было её. Сквозь набегающие слёзы Марго заглянула в мешочек. Там были две золотые монеты, три кольца с большими драгоценными камнями и красивые серьги с жемчугом, которые всегда приводили её в восторг. Теперь уж слёзы потекли ручьём. Милая Иоланда, дорогая подруга! Она подняла голову и распрямила плечи — теперь уезжать было не так страшно. Её принцесса дала ей частичку своей

любви, показала свою признательность, а с остальным она справится. И Марго отправилась к готовой уже лошади и двум сопровождающим, которые ждали её.

А принцесса готовилась к отъезду, время которого неумолимо приближалось. Её штат, и правда, сократили до минимума — с ней ехали мадам де Краон и две фрейлины, годами немного старше принцессы, из тех, что были выше происхождением. Остальных фрейлин она получит на месте, как ей объяснили, они уже ждут её, и это дамы из лучших шотландских семей. Иоланде стало совсем тоскливо. Хорошо хоть, что никто не попытался отнять у неё Мари.

Париж покидали в самом конце лета, в день Святого Варфоломея. Множество повозок, огромное число сопровождающих и все придворные, собравшиеся во дворе, чтобы пожелать своей принцессе хорошего пути, счастливой жизни и много здоровых детей. Иоланда обвела их всех грустным прощальным взглядом и вдруг наткнулась глазами на лицо Гийома де Бриссака, посмеявшегося не только прийти сюда, но и нежно на неё смотреть. Иоланда обожгла его гневным взглядом и презрительно отвернулась. Ничтожество! Это был печальный конец такой долгой и такой красивой любви. Ну и пусть!

Теперь у неё иная жизнь, и надо решать

совсем другие вопросы. Она почувствовала себя повзрослевшей и готовой к новым испытаниям.

Путь до побережья занял долгих три дня. Там, в Дьепе, отъезжающие погрузились на большую королевскую галеру, и пришло время отчаливать. Иоланда не могла показать присутствующим своих слёз, но они жгли ей веки и мешали смотреть. Вот родной берег отдалился и стал расплываться в лёгком тумане. Прошли пролив Па-де-Кале, повернули на север. Всё! Теперь впереди только мрак и неизвестность. Всё, что было хорошего в её жизни, осталось там, в освещаемой солнцем родной Франции.

Плавание было долгим, но на удивление спокойным. Как видно, небо сжалилось над несчастной принцессой, оторванной от родного дома и отданной во власть страшного шотландского короля.

Наконец зашли в залив Ферт-оф-Форт, огромный, как море. Его и называют Шотландским морем. Когда вдали показался берег, небо затянули низкие тёмные тучи, и принцессе подумалось, что солнце никогда уже не осветит её жизнь. На берегу корабль ожидал большой почётный эскорт. Король, как сказали Иоланде, ждёт свою нареченную в Эдинбургском замке, куда они сейчас и отправятся.

Путь до города был недолгим. Но, Боже, в этой варварской стране совсем не было дорог. Кони

скользили по влажной каменистой почве, сверху моросил мелкий противный дождь. Сопровождающие принцессу дамы пали духом. Сама она старалась держаться, время от времени поглядывая на верную Мари, которая подбадривала её взглядом. Вот и Эдинбург. О, Матерь Божья, какой кошмарный город! Королевский замок возвышается над ним на скалистом плато, но он ничего общего не имеет с дворцом — это мрачная огромная крепость. Дорога проходит по городу, грязному до невозможности. Длинные узкие улицы, дома из бревен и камня, стоящие вплотную друг к другу, или разделённые между собой узкими канавками либо проулками. Множество лавок, торгующих самым разным товаром, и маленьких грязных харчевен. Сточные канавы переполнены мусором и отходами, кое-где валяется даже падаль. Иоланда прикрыла нос рукой в перчатке, чтобы не так сильно чувствовать ужасный запах этого чудовищного города.

Наконец закончился и этот долгий подъём, и взору открылся сам замок. При ближайшем рассмотрении он воспринимался ничуть не лучше, чем издалека. Иоланда была в отчаянии — неужели ей придётся жить в этом мрачном месте, среди этой грязи, под этим неприветливым небом? Но самое большое потрясение её ожидало внутри, в зале, где её встречал король, который вскоре должен стать её

господином и повелителем. Большой, грубый, громогласный человек в по-варварски роскошном одеянии шёл ей навстречу, ощупывая её всю сразу загоревшимися похотью голубыми глазами. О Боже! Как же ей справиться с этим? Иоланда присела перед монархом в глубоком реверансе. Король поспешил её поднять, взяв за руки.

— Приветствую вас, миледи, в вашем новом доме и в королевстве, которое уже завтра будет принадлежать вам, как моей супруге и королеве.

Он говорил громким, грубым голосом, но глаза не показались принцессе злыми, а большие мозолистые руки прикасались к ней бережно. Иоланда слегка приободрилась.

— Я рада видеть вас, Ваше Величество. Но наше путешествие было долгим и нелёгким, и я хотела бы отдохнуть и привести себя в порядок.

— Конечно, конечно, моя принцесса, — заверил король, лаская её всю горящим взглядом. — Но завтра днём мы сочетаемся браком, и по этому поводу в этом замке будет большой пир. Все вельможи Шотландии собрались здесь, чтобы приветствовать свою новую госпожу и повелительницу.

После этого обмена любезностями принцессу и её приближённых провели в отведённые для них покои, и тут уж Иоланда дала волю слезам.

— Ты видела, Мари, — без конца спрашивала

она верную горничную, — ты видела эту серость, эту грязь? А этот огромный грубый мужчина? Меня оторопь берёт, когда я думаю, что он может сделать со мной. Зачем, ну зачем Филипп отдал меня ему?

Слёзы лились и лились по щекам, а преданная Мари, как могла, успокаивала госпожу. Слуги принесли горячую воду, и это было очень приятно после долгого морского путешествия, когда даже волосы, казалось, пропитались солью, не только одежда. Принцесса сбросила с себя пропахшую морем и ещё чем-то непонятным одежду, и верная Мари тщательно искупала её, насухо вытерла и расчесала длинные волосы. Иоланда надела свежую ночную рубашку и тёплый халат — в замке было довольно сыро, несмотря на горящий очаг. Когда слуги принесли ужин, оказалось, что готовить шотландцы умеют. Всё было вкусным и хорошо, аппетитно пахло. С удовольствием отужинав, принцесса отправилась на покой, и мрачные мысли уже не так сильно терзали её. Может быть, не так страшно всё и будет? С этой успокоительной мыслью она уснула.

Утро следующего дня выдалось солнечным, и это улучшило настроение принцессы. Начался процесс подготовки к важнейшему событию, ради которого они и прибыли сюда. Принцессу нарядили в самые дорогие одежды, причесали, украсили драгоценностями. Ей вспомнился далёкий уже день

во Франции, когда её готовили к оглашению обручения с неизвестным королём далёкой Шотландии. Сейчас король был рядом, Шотландия за окном. Но всё так же тревожно бьётся сердце, замирая, как пойманный в силки зверёк.

И вот час настал. В сопровождении своих дам и большой группы подданных короля, Иоланда проследовала в часовню, где её уже ожидал нарядный и весёлый Александр. Бракосочетание проводил старенький епископ из Глазго, Роберт Уишар. Он смотрел на невесту добрыми слегка слезящимися глазами и от всей души желал ей супружеского счастья, она чувствовала это так отчётливо, как будто об этом говорилось словами. Король счастливо улыбался. Невеста пришлась ему по душе, это было очевидно всем.

Могучий и неутомимый мужчина, Александр был большим любителем женского пола и никогда не упускал возможности отведать свежего женского тела, не особенно заботясь о том, как к этому относятся его подданные и в частности, мужья, отцы и братья обласканных им женщин. Он просто любил их, наслаждался близостью с ними и шёл дальше. Как большой мохнатый шмель перелетает с цветка на цветок, так и любвеобильный король порхал над своим королевством, зорко высматривая и быстренько прибирая к рукам новую приглянувшуюся ему красавицу. Правда, к чести

его следует сказать, что ни одну из своих возлюбленных король не взял силой. Обычно женщины охотно откликались на призыв его голубых глаз, чувствуя в нём огромную мужскую силу. Сейчас ему предлагалось отведать нежного нетронутого тела юной принцессы из далёкой южной страны. Как же ему не радоваться такому подарку судьбы? И, может быть, вот эта нежная девочка родит ему так нужного, позарез необходимого наследника. То, что он провозгласил своей преемницей трёхлетнюю внучку и заставил баронов поклясться в верности ей, было вынужденной мерой, отнюдь не радующей ни его, ни страну. Вот свой родной сын — это совсем другое. И он ещё в полной силе, хоть годы и бегут неумолимо. Так что теперь всё хорошо. Поскорей бы покрыть это юное тело! И пусть бы она побыстрее понесла от него. Тогда он сможет назвать себя, наконец, счастливым. После всех потерь, тяжёлых утрат... Но сегодня не время оглядываться на трагедии прошлых лет. Сегодня надо смотреть только вперёд. И Александру казалось, что даже годы отступили, когда он преклонил колени перед священником рядом со своей юной невестой.

Ну, вот и брачные обеты произнесены. Теперь уже стоящая рядом девушка — его законная жена, и он сегодня же всласть попирует на её нежном теле.

Только вначале надо пройти через большой свадебный пир. Но это он любил. Всё хорошо. Солнце новой жизни взошло над ним, Александром, могучим мужчиной и сильным королём, уже много лет железной рукой управляющим своей беспокойной страной.

Маленькая ручка Иоланды подрагивала в большой мозолистой ладони короля, когда он вёл её за собой в пиршественный зал.

— Не бойтесь, милая моя супруга, — шепнул он, проводя её на почётное место рядом с собой в большом пиршественном зале, — сегодня ночью я согрею вас и не дам заснуть до утра, это уж точно. Мне не терпится отведать ваших прелестей.

Король плотоядно улыбнулся, а Иоланда задрожала ещё сильнее. Он был таким большим и таким нескромным. И даже будучи невинной девушкой, она отчётливо ощущала его огромную мужскую силу. Ей стало совсем страшно. Как она справится с ним?

Но вскоре события в пиршественном зале отвлекли внимание Иоланды. Их стол стоял на огромном возвышении, а у ног их плескалось людское море, и все с любопытством рассматривали её, новую королеву этой страны. Рядом с ними за высоким столом сидело лишь несколько мужчин. Все они были роскошно одеты и держались очень уверенно. Через некоторое время

Иоланда уже поняла и запомнила, кто есть кто из этих вельмож, цвета шотландской знати. Вот этот высокий с худым бледным лицом — Джон Комин, лорд Баденох. Злой и злопамятный человек, от него лучше быть подальше. Тот огромный и грозный старый мужчина с соколиным взглядом — лорд Роберт Брюс. Горд и силён. А этот вежливый красавец — Джеймс Стюарт, сенешаль Шотландии. Пожалуй, самый приятный из всех. Тут и священник, что венчал их. За первым, ближайшим к королевскому, столом маленький смуглый мужчина с бородой и вислыми усами — это месье Арман де Краон, посол Французского короля и супруг её статс-дамы. Не сказать, чтобы очень симпатичен. Вот и английский посланник. Невысокого роста мужчина с круглым румяным лицом, а глазки остренькие, хитрые. Такому лучше не попадать на зуб.

Иоланда развлекала себя, наблюдая за гостями. А те становились всё раскованнее, показывая ей не совсем приятные черты своей нации. Едят много, чавкают, не стесняются тут же отрыгивать, много пьют. Вот где-то за дальним столом возникла драка. Блеснули ножи, показалась кровь. Драчунов развели, но неприятное ощущение осталось. А там кто-то уже свалился под стол, громко испустив ветры перед тем, как упасть. Да, дикие люди. Но не лишены и своеобразного

очарования.

Королева перевела взгляд на мужа. Александр покраснел от выпитого и уже не совсем твёрдо держался за столом. Что-то будет дальше? И она снова сжалась от страха.

Когда пир закончился и новобрачных с криками и шутками провели в опочивальню, король был не то, чтобы пьян, но хорошо навеселе. Не успев полностью раздеться, он потянул к ней жадные руки, и Иоланда решилась.

— Я предлагаю выпить ещё немного вина за наше счастливое будущее, мой господин, — сказала она и поднесла королю чашу с тёмно-красным густым вином, взяв себе другую.

Король, уже сидящий на кровати, принял чашу из её рук и залпом опрокинул её. Посмотрел на жену осоловевшими глазами, попытался потянуться к ней и свалился на постель, громко захрапев. Иоланда, приложив немалые усилия, раздела его полностью и уложила поудобнее на широкой кровати. Но прежде чем укрыть обнажённое тело короля, она с любопытством осмотрела его. Большое сильное тело, во многих местах испещрённое шрамами. Грудь широкая, заросшая густыми рыжеватыми волосами. Огромные толстые ноги. А мужское достоинство даже в спокойном состоянии устрашает своими размерами. Нет, она не в силах принять его в себя.

Она не сможет допустить к себе этого мощного и слишком энергичного для неё мужчину. Просто не сможет, и всё. Надо что-то делать. Но что? Королева надолго задумалась, укрыв лежащее рядом тело и тихонько всхлипывая под аккомпанемент его богатырского храпа. Сегодня она сумела защитить себя, спасибо, Мари в точности выполнила её указания. А завтра? А потом?

Утром король проснулся довольно поздно, несколько смущённо посмотрел на свою молодую жену и взялся рукой за голову, которая отчаянно болела.

— Что-то я плохо помню вчерашний вечер, — тихо обратился он к Иоланде, и в глазах его зажглись тревожные искорки. — Уж не был ли я груб с вами, моя драгоценная жемчужина?

— О нет, мой повелитель, — ласково отозвалась супруга, — вы не позволили себе ничего, недостойного вас.

Король было потянулся к юной жене, чтобы со свежими силами овладеть ею вновь, но сильная головная боль и какая-то непонятная слабость во всём теле остановили его. Иоланда же, уклонившись от тянущихся к ней жадных рук, заговорила вновь:

— Я хотела бы обратиться к вам с просьбой, мой господин, если вы, конечно, позволите.

Она взглянула на недовольно скривившегося Александра и, уловив лёгкий кивок его головы, продолжила:

— Этот город и этот мрачный замок угнетают меня. Поймите меня правильно, супруг мой, ведь я всю жизнь провела в солнечной Франции, в роскошных покоях дворцов моего венценосного дядюшки, а затем кузена Филиппа. Мне плохо здесь. И я думаю, нет, я уверена, что у вас есть и другие владения, более приветливые и более светлые. Я желала бы, чтобы наша любовь расцвела именно там, здесь я себя чувствую узницей, не королевой.

Александр перевёл дух. Просьба его юной очаровательной жены была легко выполнима. И, пожалуй, она права. Вдали от Эдинбурга он будет овладевать ею вновь и вновь с гораздо большим удовольствием, чем здесь. Практически все его любовные похождения происходили вне этих мрачных стен, которые и его немного давили подчас.

— О да, моё сокровище, — нежно отозвался король, — у меня есть отличное поместье на другом берегу Ферта. Оно называется Кингхорн, и там достаточно простора и света, чтобы вы могли чувствовать себя свободно и любить меня.

Король снова потянулся к жене, но она мягко уклонилась и сказала с улыбкой:

— Всё это будет там, мой повелитель, на том берегу Ферта.

Александр кивнул и, с трудом поднявшись на ноги, вышел из спальных покоев к ожидавшим его придворным. Некоторые из них сочувственно поглядывали на своего монарха — вчерашний развесёлый пир у многих отдавался глухой болью в голове. Король с лёгкой улыбкой принял сочувственные взгляды и отдал распоряжение, чтобы начали подготовку к переезду двора королевы в поместье по ту сторону залива. Началась суматоха. Сделать надо было очень многое. По дворцу метались слуги, знатные дамы двора, которым предстояло составить окружение новой королевы, разошлись во мнениях. Большинство из них расценивали предстоящие события как ссылку и были этим чрезвычайно недовольны. Они злобно фыркали в адрес капризной француженки, не пожелавшей оставаться в столице. И лишь немногие были довольны предстоящими переменами. Среди них была и молодая аристократка Беатрис Мюррей. Отъезд из Эдинбурга сулил ей долгую разлуку с опостылевшим старым мужем, зато милый её сердцу Алистер МакКензи сможет посещать её достаточно часто — молодому сильному мужчине не составит никакого труда преодолеть беспокойные воды залива и нагромождение

прибрежных скал. Она-то первая и успокоила молодую королеву, сказав ей, что Кингхорн очень милое поместье, спрятанное среди скал побережья. Там им будет хорошо, заверила новая фрейлина, улыбаясь своей госпоже.

Через три дня сборы были завершены и с пышным эскортом королева Иоланда отправилась в свой новый дом. Король собирался посетить её завтра вечером, о чём и сообщил с широкой плотоядной улыбкой. Иоланда содрогнулась в душе, но мужественно решила, что вполне успеет придумать себе новое защитное средство. Кое-какие соображения уже зародились в её голове.

В путь тронулись утром. Погода благоприятствовала задуманному событию — осенний день был солнечным и безветренным, и даже капризный Ферт-оф-Форт казался спокойным и миролюбивым. В этом убедились все присутствующие, достигнув Квинзферри. Здесь большая часть сопровождающих покидала эскорт королевы. Отъезжающие с ней дамы и слуги оставили своих коней на этом берегу и разместились в нескольких больших лодках, на радость перевозчикам, предвидящим хороший заработок. Через залив перебрались без происшествий. На другом берегу у Инверкейтинга их уже ожидал целый штат слуг, держащих в поводу прекрасных лошадей. Самая красивая и

изящная молодая кобылка чисто белой масти предназначалась для королевы. Иоланде она сразу понравилась, и королева ласково похлопала её по гордо изогнутой шее. Кобылка скосила на новую хозяйку лиловый глаз и тихонько заржала, приветствуя её. У Иоланды потеплело на сердце — во всяком случае, она сможет насладиться здесь верховыми прогулками. С такой-то красавицей... Но впереди, как оказалось, был ещё нелёгкий переход через мыс Кингхорн. Поскольку было время прилива, более лёгкий и короткий путь по берегу оказался закрытым. И пришлось двигаться верхней дорогой, пролегающей через утёсы. Иоланда опасно косилась на нагромождения острых скал и крутые обрывы, особенно когда дорога наверху перевала пошла по самому краю скалы, нависающей над морем. Её лошадь вёл в поводу опытный сопровождающий, и всё же сердце Иоланды сжималось от страха, когда она видела далеко внизу острые зубы прибрежных скал и бескрайний водный простор. Стало намного спокойнее и легче, когда тропа отошла от обрыва и стала полого спускаться вниз.

Наконец, впереди показалось поместье. Оно привольно раскинулось в долине, окружённое с севера зелёными холмами, на которых паслись отары овец, и редкими рощицами. Далеко на западе виднелся настоящий дикий лес. Само поместье

имело большой двор, защищённый высоким частоколом. Стоящий посередине двора дом был высок и просторен. Не замок, конечно, но вполне уютный загородный дом. Иоланда была удовлетворена — это куда лучше, чем тесный, грязный и мрачный Эдинбург, где она чувствовала себя пленницей.

При ближайшем рассмотрении мнение её не изменилось — новый дом понравился королеве. Выделенные ей покои были просторными и хорошо обставленными. Окна выходили на далёкие холмы, что порадовало Иоланду — огромный Ферт-оф-Форт почему-то пугал её, и видеть его из окна каждый день было бы ей в тягость. Фрейлины королевы расположились недалеко от неё и, кажется, тоже устроились неплохо. Целый штат слуг был в её полном распоряжении, о чём её незамедлительно уведомил управитель поместья сэр Эндрю Кеннеди. Вскоре с докладом явился и командир охраны поместья Камерон Бернс. Это был высокий и сильный мужчина с гладко выбритым мужественным лицом и открытым взглядом синих глаз. И, несмотря на то, что воин был ещё молод — не старше двадцати пяти-двадцати шести лет — он вызвал у королевы полное доверие. Она выслушала доклад командира о том, что её личная охрана принята им в своё ведение и удобно размещена в больших казармах на